

Мягкова Е.Ю.

**ПОЗНАНИЕ, ЭМОЦИИ, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК:
ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ?©**

*Тверской государственный университет,
Россия, Тверь, elenamyagkova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается связь различных феноменов, связанных с психикой и деятельностью человека. Обсуждается необходимость определения сущности эмоции и ее роли в становлении личности и овладении языком. Основные положения теории чувств, разработанной нейробиологом А. Дамасио, объясняют роль чувств в возникновении и становлении сознания и самости, а также в формировании культуры. Эмоционально-чувственное значение рассматривается как неотъемлемая характеристика слова; это значение формируется в ходе познания и в процессе вхождения человека в культуру.

Ключевые слова: познание; эмоция; чувство; культура; образ; личность.

Поступила: 22.05.2023

Принята к печати: 17.07.2023

Myagkova E.Yu.

Knowing, feeling, culture and language: together or apart?®

*Tver State University,
Russia, Tver, elenamyagkova@mail.ru*

Abstract. The paper deals with various phenomena connected with human mind and activity. The necessity to define the essence of the emotional sphere and its role in personality formation and language acquisition is discussed. A. Damasio, one of the world's leading neuroscientists, in his theory explains the role of emotion in the formation of consciousness and self as well as in the formation of culture. Emotional meaning of the word is seen as an integral feature of any word; it is formed in the person's learning and growth in some specific cultural background.

Keywords: knowing; emotion; feeling; culture; image; personality.

Received: 22.05.2023

Accepted: 17.07.2023

Введение

Есть два феномена, теснейшим образом связанных с человеком, его особенностями, жизнью, деятельностью, – это *познание* (рациональное познание) и *эмоция*¹. Как тютчевские близнецы, они «как брат с сестрою дивно сходны», и «союз их кровный, не случайный»². О них пишут поэты и прозаики, но, пожалуй, больше всего внимания уделяют им ученые – психологи, филологи, культурологи, социологи, представители практически всех наук. Споры о соотношении человеческого *познания* и человеческих *эмоций* не утихают на протяжении столетий, и маловероятно, что эти споры когда-нибудь закончатся, и будет найдено общее, удовлетворяющее всех решение.

Истории изучения связи и взаимообусловленности интеллекта и эмоций (или познания и эмоции, когниции и эмоции, разума и чувств, интеллекта и аффекта – названиям несть числа) посвящено множество научных трудов (см., например, обзоры в

© Myagkova E.Yu., 2023

¹ Заметим, что использование здесь этих (познание и эмоция), а не других (например, сознание, интеллект, аффект, чувство и пр.) терминов как раз и является свидетельством того, о чем пойдет речь далее.

² Тютчев Ф.И. Близнецы. – URL: <http://www.culture.ru/poems/45595/bliznecy>

[Мягкова, 1990, 2000, 2020; Шаховский, 2008, 2010]). Подводя итог анализу изучения эмоций времени «долингвистики», В.И. Шаховский отмечает, что итогом этого периода стало признание чрезвычайной сложности феномена эмоции, единства и многообразия его проявлений в разных аспектах, в частности, в физиологическом, психологическом, когнитивном и социальном: «Нелингвистические науки накопили достаточно большой объем антропоориентированных знаний, которые позволили поднять вопрос об эмоциональности языка человека, о языковых эмоциях, или о том, как эмоции проникают в язык человека и что человек делает с ними. Иными словами, пришло время обратить внимание на место эмоций в структуре языка и заняться вплотную многочисленными проблемами функционирования эмоций в речи человека» [Шаховский, 2010, с. 14]. Разработанная В.И. Шаховским лингвистическая теория эмоций [Шаховский, 2008] дала ответы на многие вопросы, связанные с выражением эмоций средствами языка, но оставила нерешенным множество проблем.

Многолетний опыт исследования эмоциональных характеристик слова как единицы индивидуального лексикона позволяет предположить, что на состояние дел в этой сфере влияют следующие факторы. Во-первых, специфика предметной области разных наук, занимающихся человеком. Во-вторых, неточность и неопределенность базовых терминов / понятий. Прежде всего таких, как интеллект (разум, сознание), познание (когниция), эмоция (аффект, чувство). В-третьих, в контексте взаимодействия разных наук и научных парадигм часто имеет место неоправданное заимствование терминов и понятий, в результате чего происходит искажение смыслов и нарушение логики исследования (см. об этом, например, [Залевская, 2017, 2019]). Так, с точки зрения психолингвистики, которая исследует такой феномен, как «языковая способность человека», ее природу, структуру и функционирование [Шахнарович, 1991, с. 185] и «глубинные знания и способности, которыми должны обладать люди, чтобы овладеть языком в детстве и затем пользоваться им» [Слобин, 1976, с. 21], сложность состоит в необходимости целостного исследования названных выше явлений. Д. Слобин подчеркивает, что «мы можем делать какие-то выводы относительно языка <...> только на основе тщательного исследования наблюдаемого поведения. В данном случае – это речь и

понимание речи» [Слобин, 1976, с. 21]. Но целый ряд объектов исследования (слово, процессы порождения речи, процессы понимания текста) изучается одновременно различными научными дисциплинами. По словам Н.И. Жинкина, имеется немало недостаточно разработанных «смежных проблем, относительно которых трудно сказать – относятся ли они к одной из наук или сразу к нескольким» [Жинкин, 1958]. При таком положении дел часто оказывается, что, если проблема решается несколькими науками, а именно такой проблемой оказывается соотношение познания и эмоций, базовые понятия не конкретизируются, а заимствуются из парадигмы в парадигму и используются исходя из презумпции знания.

Так, В.И. Шаховский на основании анализа научной литературы выделяет следующий «перечень основных проблем, которые находятся в центре современной исследовательской тематики эмотиологов и эмотиологов: типология эмотивных знаков; влияние эмоционального типа *mind style* на формирование языковой картины мира (ЯКМ), понятие эмоциональной ЯКМ; коммуникация эмоций; корреляция лексиконов эмоций различных языков мира; национальнокультурная специфика выражения эмоций; критерии эмотивности языка и его знаков; соотношение лингвистики и паралингвистики эмоций как двух семиотических систем; их соматикон; влияние эмансипации эмоций на языковые процессы; эмоциональная / эмотивная окраска / тональность / модальность текста; эмотивное семантическое пространство языка; эмотивное смысловое пространство языковой личности; лексикография эмотивности; прагматика описания и выражения своих и чужих сиюминутных и прошлых / будущих (антиципация) эмоций; сокрытие, имитация, симуляция эмоций в их вербальной, авербальной упаковке и в их семиозисе» [Шаховский, 2010, с. 19]. Тем не менее о том, что, собственно, представляют собой эмоции, не говорится ничего, кроме, пожалуй, следующего: «Эмоции представляют собой разновидность человеческих страстей, которые пронизывают все сферы жизни человека и отражаются на всех уровнях его языка, поэтому не только лексика языка, но и фонетика и грамматика также пронизаны эмоциональными обертонами» [там же, с. 21].

В целом создается впечатление, что при обсуждении проблем, связанных с взаимоотношениями познания и эмоции, языка

и эмоции и пр. исследователи исходят из так называемого *shared knowledge* («общего знания»), которое создает иллюзию личного, индивидуального знания. Эта иллюзия «работает» до тех пор, пока человек не сталкивается с необходимостью детального описания предмета или явления, которые, как он думал, ему знакомы и понятны (ср.: [Sloman, Fernbach, 2018]). Попытаемся далее разобраться, о чем же все-таки мы говорим, обсуждая проблему познания и эмоции, и какое место в решении этой проблемы занимает естественный язык человека.

Язык и эмоции в рамках психолингвистики

Психолингвистический подход (в рамках которого слово рассматривается как единица речевой / языковой способности человека – его индивидуального лексикона) [Залевская, 1990] к исследованию эмоционально-чувственных характеристик лексических единиц снимает необходимость навязывания жестких рамок эмотивного значения [Мягкова, 1990, 2000]. С лингвистических позиций эмотивность рассматривается как семантическая характеристика языковой единицы, поэтому круг слов, обладающих подобной характеристикой, ограничен. Однако результаты экспериментальных исследований и логика теории эмоционально-чувственного значения слова [Мягкова, 2000] подсказывают, что так называемая «эмотивная лексика» (наличие которой в *системе* языка несомненно) для реального носителя языка составляет лишь малую часть всего многообразия слов, которые он / она использует для выражения и понимания чувств и эмоций.

Поскольку значение слова как единицы индивидуального лексикона может быть охарактеризовано как совокупность *процессов* соотнесения словоформы с индивидуальной картиной мира индивида [Залевская, 1999], представление об эмоционально-чувственных характеристиках слова значительно меняется: преломляясь через индивидуальный опыт человека, слово не может не окрашиваться многочисленными впечатлениями, переживаниями, отношениями и пр. Такая окраска должна быть неотъемлемой характеристикой *каждого* слова, независимо от того, к какой лексико-семантической группе оно принадлежит согласно лингвистической

классификации. Но, говоря об эмоциональной окраске или нагрузке слова [Мягкова, 1990], мы должны признать, что для подтверждения факта ее наличия как неотъемлемой характеристики единиц индивидуального лексикона необходимо разобраться в том, что описывается этим терминологическим сочетанием.

Ранее, учитывая отсутствие «в лингвистической литературе четкого определения понятия “эмоциональный компонент значения слова” и объективно существующую трудность в разграничении того, что разные авторы квалифицируют как экспрессивные, эмоциональные и оценочные параметры (компоненты) значения слова», мы приняли решение рассматривать эмоциональную окраску / нагрузку слова как «различные проявления отношения субъекта к тому, что называет воспринимаемое или используемое им слово» [там же, с. 11]. В общем и целом для проведения экспериментального исследования, описанного в названной работе, такое рабочее определение было удовлетворительным. С одной стороны, оно полностью охватывало сферу эмоциональности (эмоции – это особый класс психических процессов и состояний, «отражающих в форме непосредственного переживания <...> значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его деятельности» и сопровождающих практически любые проявления активности субъекта [Большой психологический словарь, с. 561]). С другой стороны, это определение слишком общее, хотя с помощью эксперимента оказалось возможным дифференцировать составляющие эмоциональной нагрузки слова [Мягкова 1990, 2000]. Таким образом, подтвердилось предположение о том, что язык и эмоции неразрывно связаны, эмоции буквально пронизывают язык. Но мы не получили ответа на многие вопросы.

Почему в некоторых словах эмоция выражена ярко, а в других она почти не заметна? Почему одно и то же слово может в одних случаях выражать эмоцию, а в других – нет? Почему условные эквиваленты слов при переводе с одного языка на другой не совпадают по своей эмоциональной нагрузке? Эти и многие другие подобные вопросы заставили обратиться к исследованиям в области нейробиологии и нейропсихологии.

Овладение языком в ходе развития психики

Выше уже говорилось о том, что дальнейшая разработка проблемы взаимоотношений языка и эмоций невозможна без учета современных достижений нейробиологии, которые во многом подтверждают психологические теории, лежащие в основе российской психолингвистики. При изучении характерных особенностей эмоциональной стороны слова необходимо исходить из представлений о слове как единице индивидуального лексикона.

А.А. Залевская указывает на то, что «...пользование словом обеспечивается “выходом” на определенный сегмент индивидуального образа мира во всем богатстве его связей и отношений при обязательной “помеченности” в плане эмоционально-оценочных переживаний, что подразумевает наличие перцептивно-когнитивно-аффективной природы того, что лежит за словом у индивида, к тому же выступающего как личность, включенная в определенное естественное и социальное окружение» [Залевская, 2010, с. 176]. Но в реальной жизни слова часто «на первый план выступает не денотативное значение слова, а увязываемые со словом “верования” и переживания, формирующие “поле” представлений и оценок, которое позволяет носителю языка успешно оперировать словом даже при отсутствии сформированного понятия. Такое поле должно поддаваться описанию и “измерению” с применением тех или иных экспериментальных процедур» [Залевская 1994, с. 12]. Следовательно, выявить, как слово «живет», можно через обращение к пользующемуся словом человеку, т.е. через эксперимент. Тогда мы будем знать о слове не только то, что предлагает описанное с лингвистической точки зрения значение. Еще А.А. Потебня говорил, что «обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания» [Потебня, 1976, с. 198]. Наши исследования специфики эмоционально-чувственного значения показали, насколько описанное набором ассоциаций значение слова в сознании принимавших участие в эксперименте испытуемых отличается от зафиксированного в словаре, в первую очередь по своим эмоциональным характеристикам.

Почему это так? По-видимому, связано это с тем, как человек овладевает словом в онтогенезе. Тогда особое значение приобретает понимание того, как овладевает языком ребенок. Л.И. Божович отмечает, что «исследования аффективно-потребностной сферы ребенка <...> привели к выводу, что развитие этой сферы происходит принципиально по тем же самым законам, что и развитие познавательных процессов. Первоначально элементарные, непосредственные потребности ребенка, опосредствуясь социально приобретаемым опытом, вступают в определенные связи и отношения с различными психическими функциями, в результате чего возникают совершенно особые психологические новообразования. В их состав входят и аффективные, и познавательные компоненты, что порождает специфичные только для них свойства. <...> К такого же рода новообразованиям, но еще более сложным, относятся, например, нравственные чувства, сознательно поставленные цели и намерения, убеждения – словом, все высшие системные образования, которые характеризуют личность» [Божович, 1988, с. 112]. Обратим внимание на *единство* законов развития рационального и эмоционального, описанное Л.И. Божович.

Согласно культурно-исторической теории развития психики Л.С. Выготского, формирование эмоций связано с развитием потребностей [Выготский, 1983]. Это означает, что развитие потребностей и чувств – две стороны одного и того же процесса. Исследование Л.И. Божович «подтверждает мысль о том, что чувства, возникающие в процессе социального развития человеческих потребностей (нравственных, эстетических, интеллектуальных и пр.), представляют собой новые по своей психологической природе системные образования. По сравнению с элементарными («натуральными») эмоциями они имеют качественно иное, опосредствованное строение, занимают иное место в структуре личности и выполняют иную функцию в поведении, деятельности и психическом развитии человека. <...> развитие аффективно-потребностной сферы проходит тот же путь культурно-исторического развития, что и познавательные процессы» [Божович, 1988, с. 114].

Обратим внимание на то, что в рассуждениях Л.И. Божович появляется разграничение обсуждаемого феномена на эмоции и чувства, более того, подчеркиваются «уровни» формирования эмоциональной сферы, которые связываются с процессами ста-

новления личности, а, следовательно, и с процессами становления и развития всех психических процессов.

С идеями Л.С. Выготского хорошо согласуются теории А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и других ученых. Так, А.Р. Лурия писал о том, что никакой подтекст невозможно понять без совместной актуализации эмоционально-интуитивных компонентов познания и задействования формально-логических операций [Лурия, 2006]. Необходимость учета взаимообусловленности и взаимодействия когнитивных и эмоциональных процессов подчеркивает Л.М. Веккер [Веккер, 1998].

Чувства, сознание, язык, культура

Именно об этой необходимости и такой взаимообусловленности говорится в работах А. Дамасио [Damasio 1994, 2003, 2018, 2021; Дамасио 2018]. В теории Дамасио центральное место занимает понятие гомеостаза: это фундаментальное свойство жизни, которое управляет всеми функциями клеток, неважно обособлены они, являются ли частью тканей, органа или сложной системы. А. Дамасио подчеркивает, что гомеостаз нельзя рассматривать как способ поддержания status quo, наоборот, он является двигателем эволюции, путем к созданию защищенного клеточного пространства, в котором совершают свою работу каталитические циклы – и (в буквальном смысле слова) оживают [Damasio, 2018, p. 48–49].

Это непрекращающееся движение проявляется и в становлении механизма эмоциональной сферы: на самом нижнем уровне организации гомеостаза находятся простые реакции (движение организма по направлению к объекту или от него, повышение или замедление активности и т.п.). А. Дамасио изображает «машину» гомеостаза в виде раскидистого дерева, ветви которого представляют разные уровни автоматической регуляции гомеостаза. Геном обеспечивает активность всех этих уровней еще при рождении, и эти процессы не зависят от научения, хотя в течение жизни научение начинает играть значительную роль в том, когда и как эти процессы будут активированы. Здесь речь идет об уровнях автоматической регуляции гомеостаза – от самых простых к самым сложным; здесь формируются собственно эмоции.

Следующий этап формирования эмоциональной сферы – чувства, которые представляют собой следующий, более высокий уровень регуляции гомеостаза. Следующая ступень классификации касается высшего уровня – социальных эмоций. А. Дамасио считает, что удобнее всего распределить собственно эмоции по следующим трем уровням: фоновые эмоции, первичные эмоции и социальные эмоции [Damasio, 2003, p. 43].

Все это следует рассматривать в контексте участия эмоциональных процессов в формировании культуры. В культурном развитии человека задействованы все его умственные способности, и в их числе А. Дамасио отдельно отмечает способность создавать образы, аффект и сознание – потому что невозможно представить себе «культурный разум», не обладающий ими [Damasio, 2018, p. 165].

Возникновение и развитие человеческой культуры следует считать заслугой осознанных чувств и творческого интеллекта: если процессы, лежащие в основе того, что впоследствии стало осознаваться как боль, не были бы *пережиты*, они остались бы просто состояниями тела, каким-то обычным событием в работе организма. То же самое можно сказать и относительно радости, страха, печали и пр. *Пережить* – это значит почувствовать, то есть телесные изменения должны приобрести *ментальное лицо*, стать *субъективными*, а значит, *осознаваемыми* [ibid., p. 188].

Возвращаясь к проблеме соотношения эмоций и языка, вспомним слова В.Н. Телия о том, что «...эмотивность, или эмотивная коннотация, – это не только след эмоциональной реакции на образ, лежащий в основе значения, который сам по себе также вызывает психологическое напряжение, но еще и результат интерпретации образного основания в категориальном пространстве установок культуры и ее “идеалов”: гармония с этими установками выражается в спектре положительных чувств-отношений в диапазоне одобрения, а дисгармония – в диапазоне неодобрения <...> само образное основание языковых средств (не только фразеологизмов, но также образно мотивированных слов и фрагментов текста) – один из способов, каким “дух народа” воплощает себя в мировидение, а через него – в язык, о чем писал еще Гумбольдт, а вслед за ним – Потебня и Вайсгербер» [Телия, 1996, с. 232].

Таким образом, В.Н. Телия так или иначе признает, что, поскольку «в основе значения» лежит образ, а образ есть достояние

индивидуального сознания, все лексические средства языка несут в себе следы эмоциональных реакций. Более того, «...возникает вопрос: не воздействует ли таким образом сам язык, коль скоро он обладает “культурной памятью”. <...> Безусловно воздействует. И это “навязывание” языком культурно-национального самосознания впитывается “вместе с молоком матери”, когда осваивается и потом воспроизводится – сознательно или бессознательно – вся несомая единицами языка информация, в том числе – и культурно значимая...» [Телия, 1996, с. 232]. Это значит, что фиксируется, прочно закрепляется в слове только эмоция высшего уровня – социализированная, культурно значимая. Именно она описывается в лингвистических классификациях эмоциональной лексики.

Заключение

Таким образом, наблюдается постоянное двунаправленное «движение» через язык: от культуры к индивиду и от индивида к культуре. При этом эмоциональная сфера человека пронизывает всю его деятельность и имеет отношение не только к его переживаниям, но и к особенностям поведения и отношению к миру и к другим людям. Именно она обуславливает его «пристрастность» во всех видах деятельности, она же во многом обуславливает познание. Трудности описания вызваны не просто разнообразием конкретных эмоций, но и сложностью самого феномена, называемого *эмоцией*, его уровневой (фоновые, первичные и социальные эмоции) структурой (см. также: [Мягкова, 2010]).

Именно поэтому не существует не только единой теории эмоций, но и общего четкого представления о специфике соотношения эмоций и языка. Среди ученых нет общего мнения относительно того, что называется словом *эмоция* (*emotion*): существует множество трактовок его значения (в научной сфере эти трактовки определяются изменениями в теориях эмоций на протяжении развития психологии эмоций) [Solomon, 2000, p. 4].

В рамках психолингвистики эмоции не противопоставляются опыту рационального познания и поэтому не могут быть отделены от анализа языковых явлений. «Из всех наших умственных способностей язык глубже всего уходит за порог нашего осознания, он менее всего доступен рациональному объяснению. Вряд ли

мы сможем вспомнить то время, когда у нас не было языка, еще более маловероятно, что мы узнаем, как он появился. Он уже был, когда впервые мы попытались сформулировать мысль. Он – как прозрачное стекло, через которое мы можем отчетливо видеть все мыслимые объекты в мире. И нам трудно поверить, что если это стекло убрать, все эти объекты и весь этот мир перестанут существовать в том виде, в котором они нам знакомы» [Bickerton, 1990, p. 5].

Логично предположить, что поскольку понятие формируется на основе личного опыта, учитывающего опыт коллективный, данный индивиду в специфической, обусловленной его личными условиями социализации [Мягкова, 2020], в этом процессе неизбежно происходит становление связанного с формирующимся понятием (и обозначающим его средством языка) эмоционально-чувственного комплекса. Его наличие фиксируется экспериментально (см., например, [Мягкова, 2000]). Кроме того, «языковые единицы, выступая в функции культурных знаков <...>, участвуют не только в воспроизведении межпоколенной трансляции установок национальной культуры, но и формируют ее вместе с усвоением и употреблением языка» [Телия, 1986, с. 269]. Можно утверждать, что это относится как к познанию в целом, так и к эмоционально-чувственным аспектам языка.

Список литературы

- Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. – 3-е изд., 2002. – URL: <http://skshi8v11.org.ru/wp-content/uploads/2014/04/Большой-психологический-словарь.pdf>
- Божович Л.И. О культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и ее значении для современных исследований психологии личности // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С. 108–116.
- Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – Москва : Смысл, 1998. – 685 с.
- Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. – Москва : Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.
- Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания / пер. с англ. И. Ющенко. – Москва : Карьера Пресс, 2018. – 384 с.
- Жинкин Н.И. Механизмы речи. – Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 370 с. – URL: <https://studylib.ru/doc/804939/mehanizmy-rechi>
- Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1990. – 206 с.

- Залевская А.А.* Вопросы выбора слов и заданий для экспериментального психолингвистического исследования // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1994. – С. 12–19.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 382 с.
- Залевская А.А.* Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2010. – № 3. – С. 175–193.
- Залевская А.А.* Общенаучное и узкоспециальное значение термина // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2017. – № 2. – С. 7–13.
- Залевская А.А.* О междисциплинарном потенциале научного термина // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 3(41). – С. 14–23.
- Лурия А.Р.* Лекции по общей психологии. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 320 с.
- Мяжкова Е.Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1990. – 110 с.
- Мяжкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова. – Курск : Изд-во КГУ, 2000. – 112 с.
- Мяжкова Е.Ю.* Эмоциональная сфера человека и язык: подходы к исследованию // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. – Москва : МАКС Пресс, 2010. – Вып. 40. – С. 118–124.
- Мяжкова Е.Ю.* Эмоциональный опыт и значение слова // Язык, культура, творчество: мировые практики изучения : сб. науч. ст. к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных. – Москва : Гнозис, 2020. – С. 551–561.
- Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. – Москва : Искусство, 1976. – 614 с.
- Слобин Д.* Психолингвистика // Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика / пер. с англ.; под общ. ред. и с предисл. А.А. Леонтьева. – Москва : Прогресс, 1976. – С. 19–215.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- Шахнарович А.М.* К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – Москва : Наука, 1991. – С. 185–220.
- Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. – Москва : Гнозис, 2008. – 416 с.
- Шаховский В.И.* Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – Москва : Либроком, 2010. – 128 с.
- Bickerton D.* Language & species. – Chicago: The University of Chicago Press, 1990. – 154 p.
- Damasio A.R.* Descartes' error: emotion, reason, and the human brain. – New York : Avon books, 1994. – 313 p.
- Damasio A.R.* Looking for Spinoza: joy, sorrow and the feeling brain. – Orlando, Austin, New York, etc. : A Harvest book, Harcourt, Inc., 2003. – 356 p.
- Damasio A.R.* The strange order of things. Life, feeling and the making of cultures. – New York : Vintage books, 2018. – 310 p.

- Damasio A.R. Feeling & knowing. Making minds conscious. – London : Robinson, 2021. – 233 p.
- Sloman S., Fernbach P. The knowledge illusion. The myth of individual thought and the power of collective wisdom. – London : Pan Books, 2018. – 296 p.
- Solomon R.C. The philosophy of emotions // Handbook of emotions / ed. by M. Lewis and J.M. Haviland-Jones. – 2nd ed. – New York ; London : The Guilford Press, 2000. – P. 3–15.

References

- Meshcheryakov, B.G., Zinchenko, V.P. (Eds.). (2002). Bol'shoj psihologicheskij slovar' (3rd ed.). Retrieved from <http://skshi8v11.org.ru/wp-content/uploads/2014/04/Большой-психологический-словарь.pdf>
- Bozhovich, L.I. (1998). O kul'turno-istoricheskoy koncepcii L.S. Vygotskogo i eyo znachenii dlya sovremennykh issledovaniy psikhologii lichnosti. *Voprosy psikhologii*, 5, 108–116.
- Vekker, L.M. (1998). *Psihika i real'nost': edinaya teoriya psikhicheskikh processov*. Moscow: Smysl.
- Vygotskij, L.S. (1983). *Problemy razvitiya psihiki*. Moscow: Pedagogika.
- Damasio, A. (2018). *Tak nachinaetsya "ya"*. Moscow: Kar'era Press.
- Zhinkin, N.I. (1958). *Mekhanizmy rechi*. Retrieved from <https://studylib.ru/doc/804939/mechanizmy-rechi>
- Zalevskaya, A.A. (1994). Voprosy vybora slov i zadaniy dlya eksperimental'nogo psiholingvisticheskogo issledovaniya. In: Zalevskaya, A. (Ed.). *Slovo i tekst: aktual'nye problemy psiholingvistiki* (pp. 12–19). Tver: Tver. gos. un-t.
- Zalevskaya, A.A. (1999). *Vvedenie v psiholingvistiku*. Moscow: Russian State University for the Humanities.
- Zalevskaya, A.A. (2010). Znachenie slova v zerkale psiholingvisticheskogo portretirovaniya. *Vestnik TvGU*, 3, 175–193.
- Zalevskaya, A.A. (2017). Obshchenauchnoe i uzkospecial'noe znachenie termina. *Vestnik TvGU*, 2, 7–13.
- Zalevskaya, A.A. (2019). O mezhdisciplinarnom potenciale nauchnogo termina. *Voprosy psiholingvistiki*, 3(41), 14–23.
- Luriya, A.R. (2006). *Lekcii po obshchej psikhologii*. Snt Petersburg.: Piter.
- Myagkova, E.Yu. (1990) *Emocional'naya nagruzka slova: opyt psiholingvisticheskogo issledovaniya: monografiya*. Voronezh: Izd-vo VGU.
- Myagkova, E.Yu. (2000). *Emocional'no-chuvstvennyj komponent psikhologicheskoy struktury znacheniya slova: monografiya*. Kursk: Izd-vo KGU.
- Myagkova, E.Yu. (2010). Emocional'naya sfera cheloveka i yazyk: podhody k issledovaniyu. In: Ufimceva, N.V., Krasnyh, V.V., Izotov, A.I. (Eds.). *Yazyk, soznanie, kommunikaciya* (pp. 118–124). Moscow: MAKSS Press.
- Myagkova, E.Yu. (2020). Emocional'nyj opyt i znachenie slova. In: Zykova, I.V., Krasnyh, V.V. (Eds.). *Yazyk, kul'tura, tvorchestvo: mirovyje praktiki izucheniya* (pp. 551–561). Moscow: Gnozis.

- Potebnya, A.A. (1976). *Eстетика i poetika*. Moscow: Iskusstvo.
- Slobin, D. (1976). Psiholingvistika. In: Slobin, D., Grin, D. *Psiholingvistika* (pp. 19–220). Moscow: Librokom.
- Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticeskij i lingvokul'turologicheskij aspekty*. Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury".
- Shahnarovich, A.M. (1991). K probleme yazykovoj sposobnosti (mekhanizma). In: Serebrennikov, B.A. (Ed.). *Chelovecheskij faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi* (pp. 185–220). Moscow: Nauka.
- Shahovskij, V.I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emocij*. Moscow: Gnozis.
- Shahovskij, V.I. (2010). *Emocii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya*. Moscow: Librokom.
- Bickerton, D. (1990). *Language & Species*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Damasio, A.R. (1994). *Descartes' error: emotion, reason, and the human brain*. New York: Avon books.
- Damasio, A.R. (2003). *Looking for Spinoza: joy, sorrow and the feeling brain*. Orlando, Austin, New York, etc.: A Harvest book, Harcourt, Inc.
- Damasio, A.R. (2018). *The strange order of things. Life, feeling and the making of cultures*. New York: Vintage books.
- Damasio, A.R. (2021). *Feeling & Knowing. Making minds conscious*. London: Robinson.
- Sloman, S., Fernbach, P. (2018). *The knowledge illusion. The myth of individual thought and the power of collective wisdom*. London: Pan Books.
- Solomon, R.C. (2000). The philosophy of emotions. In: Lewis, M. and Haviland-Jones, J.M. (Eds.). *Handbook of emotions*. 2nd ed. New York, London: The Guilford Press.

Сведения об авторе:

Мягкова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода, Тверской государственный университет.

About the author:

Myagkova Elena Yurievna – Doctor of Science in Philology, Full Professor, Professor at the Department of Linguistics and Translation Studies, Tver State University.